

**СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: КРИЗИС СМЫСЛА, ИДЕНТИЧНОСТИ,
«ПОЛИФОНИЯ СМЫСЛОВ»***

В статье проводится мысль о том, что «смысл жизни» есть центральная структура личностной идентичности, условие индивидуального и общественного развития. Всесторонний кризис современной цивилизации рассматривается через призму смыслового кризиса и столкновения различных нравственных горизонтов. В центре внимания автора – та негативная роль, которую играет постмодернистская символическая культура в контексте поиска выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: современное общество, смысл жизни, личностная идентичность, ценности, кризис смысла, постмодернизм.

Глобальный кризис человеческой цивилизации сегодня уже общепризнанный факт и даже своеобразный идеологический «тренд», зачастую вуалирующий то обстоятельство, что современная цивилизация вплотную подошла, а возможно, уже и перешагнула роковую точку *of no return* и движется к «финальной катастрофе». Наиболее явно «конец истории» просматривается в связи с обострением экологической ситуации на планете. Последние исследования биосферы подтвердили неутешительные прогнозы «Римского клуба» о том, что к 30-м гг. XXI в. прогрессирующее техногенное загрязнение планеты достигнет той черты, когда процессы разрушения биосферы приобретут необратимый характер.

Угроза глобальной экологической катастрофы, которая сегодня уже более чем реальна, но, тем не менее, игнорируется мировыми элитами, подводит к пониманию глубины социальных и идеологических «разломов» цивилизации. Если представители «первой волны» постиндустриальной теории (Э. Тоффлер, Д. Белл) видели в информационных технологиях и институтах «панацею от всех бед» цивилизации, то крупнейший представитель «новой волны» постиндустриализма М. Кастельс дает информационному обществу (по крайней мере, его современному варианту) гораздо менее радужные оценки. «Информационная»

экономика остается капиталистической, фактически, более капиталистической, чем любая другая экономика в истории, но капитал в ней так же трансформирован, как и труд. Специфическими чертами этой принципиально новой формы – финансового капитала выступают: скорость и планетарные / глобальные масштабы распространения; аккумуляция капитала из всех видов источников; «вуалирование и размывание отношений собственности», прикрывающее небывалое социальное расслоение; логика «исключения» из глобальной игры значительных сегментов общества. Логика эта, однако, по существу своему не шаг вперед по сравнению с «парадигмой модерна» в экономике, предполагающей движение в сторону рационализации общественной жизни («общество всеобщего благоденствия»), но шаг назад. Экономика постмодерна с ее «рыночным фундаментализмом», подчинением СЛУЧАЮ, игнорированием «общественного интереса» – это своеобразная и весьма опасная в нынешних условиях форма экономического «премодерна», сущность которого точно схвачена в метафорической формуле Дж. Сороса: «алхимия финансов». Новые технологии создают небывалые возможности для «самоумножения» капитала, переводя его в сферу виртуальной экономики, «бессмысленную зону финансово-информационных потоков, где

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-03-82301 а/У «Постиндустриальное общество и Россия. Стратегия развития»).

цели социального развития подчинены конъюнктурным интересам финансовой олигархии» [Мясникова, 2002. С. 15].

«Информационная парадигма», как показывает социально-экономический анализ, сочетает в себе (если обобщить) две противоборствующие тенденции. Первая, прогрессивная, связана с процессом становления новой коллективной и индивидуальной идентичности человека, интеграционными процессами в обществе, предполагающими стратегическое видение совместного будущего. Вторая, регрессивная, связана с доведенными до своего логического предела механизмами фрагментации / разъединения / исключения, присущими как старому, так и новому, информационному, капитализму. Последний вывод подтверждается тем, что механизм «исключения» действует сегодня в масштабах планеты и грозит самоуничтожением цивилизации в контексте глобального экологического, демографического, социального кризиса и новейшего смертоносного приобретения цивилизации – «мирового терроризма».

Вполне вероятным кандидатом на *исключение* из глобальной игры становится сегодня и Россия с ее разрушенной экономикой («экономическими руинами», по Кастельсу), обороноспособностью, наукой, быстро сокращающимся населением, в то время как на ее территории находится 40–50 % мировых ресурсов. В геополитическом отношении перед нашей страной вырисовываются две важнейшие стратегические задачи: не утратить контроль над собственными богатейшими источниками сырья и сохранить самостоятельность в стратегических отраслях экономики [Орлов, Васильева, 2005]. Эти задачи представляются выполнимыми только в том случае, если мы найдем в себе силы противопоставить глобальному финансовому капиталу «символический капитал», «великий коллективный проект», сможем *восстановить свою коллективную идентичность* «в мире, где потоки власти и денег пытаются дезинтегрировать возникающие экономические и социальные институты еще до того, как они окончательно оформились, чтобы поглотить эти институты в своих глобальных сетях» [Кастельс, 2000. С. 490].

Формулируемая М. Кастельсом проблема восстановления «коллективной идентичности» в России (а мы расширим – в *мире*) вы-

ходит, с нашей точки зрения, далеко за пределы феноменологического (в данном случае, технологического, институционального) анализа происходящих в обществе трансформаций. Не случайно проблема потери / восстановления / поиска идентичности попала в фокус философских интересов на Западе начиная с 70-х гг., а сегодня переживает свой «бум» и в России. «Кризис идентичности» – пожалуй, единственная тема в рамках современного философского дискурса, которая напрямую выводит на тотальный кризис СМЫСЛА.

В отношении человека (общества) речь, безусловно, идет не о *формальной*, а о *реальной* идентичности, предполагающей вечное «движение становления», в рамках которого кризисы в известном смысле играют позитивную роль. Прогрессивное движение общества немислимо без кризисов, столкновения и борьбы нового со старым, утверждения нового «типа социальности» (т. е. идентичности). Однако бывает и так, что «кризис идентичности» вызывает «регрессию к более архаичным и примитивным ценностям» [Хёсле, 1994. С. 121], красноречивым примером чему служит культурная атмосфера в современной России. Несмотря на то, что формально кризис коллективной идентичности, СМЫСЛА схватывается довольно верно как «распад коллективной памяти, представленной традициями», «утрата веры в общее будущее» (В. Хёсле), представляется, что данный анализ все же имеет феноменально-психологический характер и отсылает к кризису индивидуального самосознания. Так, ряд исследователей попросту отождествляет «идентичность» и «самосознание», «самоопределение», из чего заключается, что «коллективная идентичность» есть понятие-фантом [Малахов, 1998]. Последняя, по мысли Малахова, есть результат «овеществляющего гипостазирования», и популярность ее следует связывать с новейшим предикатом «национальная». Национальная / коллективная идентичность все чаще становится лозунгом националистов, «охотников за неизменными субстанциями», подменяющих проблематику суверенитета проблематикой идентичности. Если В. С. Малахов оценивает эти процессы негативно, как некий возврат в «темные века», то Д. Белл в предисловии к новому изданию «Конец идеологии» усматривает в «пробуждении» национализма ключевую и,

по всей видимости, позитивную черту современности. По мнению Белла, конец XX в. ознаменовался концом идеологий, падением великих держав и образованием глобального *экономического* сообщества, предполагающего при этом *культурную* автономию в пределах национальных государств и регионов [Белл, 2002]. Однако, с нашей точки зрения, Д. Белл настроен уж очень «благостно» и не замечает, что «возобновление истории» находится под большим вопросом, поскольку, во-первых, ни о каком «конце идеологии» не может быть и речи, можно говорить лишь о временной победе либеральной идеологии (не будем забывать о Китае и стремительно «краснеющей» Латинской Америке). Во-вторых, как показывает практика, страны 1-го мира далеко не горят желанием принимать в *свою* глобальную игру 2-й и 3-й миры и продолжают загонять их в «*гетто отсталости*» [Бузгалин, 2002]. И, в-третьих, как раз эти процессы подогревают национальную напряженность на планете, принимающую в современном мире Internet и новейших технологий чрезвычайно опасные формы глобального «сетевого терроризма». Как ни грустно сознавать, в большинстве случаев национализм (не всегда здоровый) остается единственным оплотом той «коллективной идентичности», которая далеко не на равных противостоит сегодня глобальной гегемонии капитала.

Возникает вопрос о том, что дает «коллективная идентичность», представляющая собой сплав территориальной, социальной, этнической, религиозной и других составляющих, современному человеку, «Я», противостоящему «СЕТИ»? В первом приближении, безусловно, «универсальный инструментализм» глобального общества, «СЕТЬ» ассоциируется с прогрессом, новой «плюралистической идентичностью», «бросящей вызов патриархальной власти по всему миру». В то же время большинство авторов, исследующих сегодня экономические, политические, социальные процессы глобализации, проблемы глобальной этики и межкультурного диалога, все дальше уходят от первоначальных наивно-оптимистических представлений. Все более очевидным становится тот факт, что результаты глобализации, осуществляемой под знаком господства США и их сателлитов, предназначены не для всех. Но проблема заключа-

ется еще и в том, что в оценке негативных последствий собственной политики, американское правительство «постоянно прибегает к языку добра и зла, причем зачастую до неловкости по-детски – “хорошие парни” и “плохие парни”, а самый знаменитый пример – “ось зла”» [Макбрайд, 2003. С. 86]. И это, по мнению, У. Макбрайда, отнюдь, не язык диалога и, тем более, не попытка решения существующих глобальных проблем. Как представляется, глобализационный процесс в его современном во многом стихийном варианте (где и США – заложник собственного положения) противостоит «метафизическому мегапроекту Человека» [Самохвалова, 2003], родовой идентичности и СМЫСЛУ.

Довольно глубоко проблема противостояния Я / МЫ – СЕТЬ поставлена, с нашей точки зрения, Н. Н. Федотовой, по мнению которой, наиболее фундаментальный, смыслообразующий «пласт сакрального» в идентичности личности в условиях глобализации определяется *локально* [Федотова, 2003]. Подлинная основа человеческого бытия, его коллективистская сущность воспроизводится на глубинном, связанном с партикуляристской идентичностью, уровне, вступающем в противоречие с «поверхностным» универсальным инструментализмом. Подобная парадоксальная (ненормальная) ситуация объясняется тем, что современное общество находится в глубочайшем кризисе, когда наличные институциональные структуры практически полностью утратили свой смысл, и даже предшествующие им формы несут, кажется, большее родовое содержание. «Перед лицом этнических конфликтов и грозящих “столкновений между цивилизациями” человечество должно выработать глобальную этику и глобальную гражданскую культуру» [Даллмар, 2003. С. 26], которые составят прочный фундамент нового варианта глобализма, альтерглобализма, пока «явно страдающего от дефицита больших смыслообразующих идей» (А. С. Панарин). Весьма показательно, что большинство авторов сегодня приходит к пониманию того, что «культивирование человечности» – это «двухфокусная, т. е. и моральная, и политическая задача» [Там же]. В этом ракурсе должна рассматриваться и разгоревшаяся с новой силой в начале XXI в. философская дискуссия по поводу соотношения двух экономических стратегий

развития общества и соответствующих им политических идеологий: социалистической и нео / либеральной, – и их отношения к «метафизическому мегапроекту Человека».

Действительный вектор исторического процесса связан с появлением более сложных, высоких форм единства родового и индивидуального, становлением *глобальной коммюнитарности*, как внутреннего, латентного процесса в недрах глобализации [Парамонова, 2006]. Попытки загнать новую коллективную идентичность человека в архаичные формы нео / либерального атомизма противоречат ЛОГИКЕ и СМЫСЛУ истории, тормозят формирование «креатосферы» (А. В. Бузгалин), «этикотворчество», создание новых коммюнитарных форм жизнедеятельности и ценностных миров. Более того, временное поражение «Мировой социалистической системы» и социалистической идеологии открыло дорогу «для реверсивного хода истории, идущего к ультраимпериалистическому (“имперскому”) тупику» [Бузгалин, 2004. С. 11]. Вопреки наивным представлениям неолибералов «рынок» и рожденный им «экономический человек» формируют как никогда мощную тоталитарную систему, в которой человеку разрешено все, чего он хочет, но хочет он только того, что требуется...

По мнению А. С. Панарина, жизнеспособность либеральной идеологии, давно знакомой и скомпрометировавшей себя в массовом сознании еще добрых 100–150 лет назад, следует связывать с ее новейшим союзником – *постмодернистской символической культурой*. Последняя характеризуется «резким повышением гибкости и подвижности интеллектуальных форм», дистанцированием «обозначающего» от «обозначаемого», знака от референта, восходящим к принципам структурализма и формальной лингвистики. В то же время необходимо учитывать, что *смысловая игра* постмодерной культуры есть лишь «поверхностный эффект», за которым стоит «культура реальной виртуальности», позволяющая «торговцам знаками» (владельцам символического капитала) выманить и выменять на них отнюдь не призрачные ценности [Панарин, 2003].

Зародившись в середине XX в., постмодернизм / постструктурализм первоначально ассоциировался с довольно локальным направлением лингвистической философии.

Однако постепенно стал претендовать на роль философской «макропарадигмы», пришедшей на смену «модерну» с его логоцентризмом. Сегодня, в начале XXI в., разговор о перспективах данного направления уже во многом не актуален, поскольку значительная часть его сторонников предпочла «отстать от поезда» до его прибытия на конечную станцию «грамматология» [Кутырёв, 2005. С. 3]. Более того, в недрах постмодернистского дискурса все отчетливее просматриваются тенденции возврата к традиционному бинарному коду, целостным онтологическим и эпистемологическим конструкциям, обнаруживаются несвойственные для него тенденции «реанимации» похороненного автора, поиска этического субъекта.

Довольно интересная ситуация складывается на Западе, где за последние годы «усилилась сопротивляемость вирусу постмодернизма и расширился арсенал контраргументов» (Н. С. Юлина). По мнению Д. Деннета, в современной философии разрастается пропасть между серьезностью и фривольностью, сторонники которой, «рассуждая о демонстрируемой неспособностью *их методов* к поиску истины и достижению стабильных и ценных результатов... наивно обобщают их в том духе, что никому другому вообще неведома возможность открытия истины» [Деннет, 2001. С. 95]. Как отмечает Н. С. Юлина, несмотря на теоретические разногласия, Деннет, Серль, Нагель объективно оказались по одну сторону баррикад, отстаивая принципы рационализма, объективности и истины и выступая против постмодернистского релятивизма, ирреализма и антитеоретизма [Юлина, 2001]. На почве противостояния «философии-как-науки» и «философии-как-литературы» разгорается полемика Дж. Серля и Ж. Деррида, Д. Деннета и Р. Рорти.

Будем, однако, учитывать, что постструктурализм как философское направление возникает на волне роста социальной напряженности в Европейских странах в 60-х гг. и, в известном смысле, продолжает традиции Франкфуртской школы *Kulturkritik*, воспринимая критику языка как критику современной цивилизации [Ильин, 1998]. Творчество его крупнейших представителей Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барта, не говоря уже о Ж. Делезе, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяре, обнаруживает немало точек соприкосно-

вения с левыми идеями, в частности, марксизмом¹. В то же время, как точно подметили Ф. С. Ричардсон и Р. С. Бишоп, постмодернизм, хотя и выражает протест современному обществу «мягкого тоталитаризма», но не дает хоть сколько-то конструктивного проекта будущего [Ричардсон, Бишоп, 2003]. Он попал в собственную ловушку: разве может идти речь о СМЫСЛЕ (как, впрочем, и о бессмысленности!), идентичности, когда «...никого нет», утеряна инстанция, стремящаяся «персонализироваться» [Бодрийяр, 2006. С. 119]. И сами того не замечая, постмодернисты работают на своего противника, создавая теоретические основания новой системы массового манипулирования. Демонтаж рациональных начал, осуществляемый при поддержке постмодерной идеологии, идет сегодня в трех основных направлениях: ликвидация коллективной идентичности больших субъектов истории (подмена *социального* дискурса *этноцентричным* дискурсом); устранение привычных ценностных иерархий, связанных со служением чему-то высшему, «горнему»; устранение будущего в пользу «самодостаточного» настоящего [Панарин, 2006]. Три эти линии «чувственного реванша» постмодерна формируют горизонты новой эпохи – «эпохи бытия-в-деконструкции», по Деррида [Деррида, 1992].

Однако «не закрыта и перспектива использования “деконструкции” и оппонентами поспешно скроенных и слишком явно апологетических либеральных синтезов» [Панарин, 2003. С. 35]. Остается еще надежда на то, что фаза «бытия-в-деконструкции» сменится фазой нового смыслообразования, но для этого «необходимо преодолеть нынешнюю либеральную аллергию на “большие идеи”». «Смысл человеческого существования» по определению несет в себе всеобщее, бесконечное, родовое содержание. Плюрализм, полифоничность ценностей и смыслов (чего никак не могут уяснить сторонники механистичной верификации и однозначности) не противоречат СМЫСЛУ, но предполагают, требуют СМЫСЛА, стержневой логики развертывания смысловых многообразий. На глубинном уровне человеческого бытия, связанном со всеобщим, бесконечным, родовым содержанием, нет и не может быть плюрализ-

ма в том смысле, как нет и не может его быть между ценностями коллективизма и индивидуализма, развития и деградации, жизни и смерти... К пониманию этого подталкивает нас кризис современной цивилизации.

Список литературы

- Белл Д. Возобновление истории в новом столетии // *Вопр. философии*. 2002. № 5. С. 13–25.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
- Бузгалин А. В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? // *Вопр. философии*. 2002. № 5. С. 26–43.
- Бузгалин А. В. Постмодернизм устал... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // *Вопр. философии*. 2004. № 2. С. 3–15.
- Даллмар Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм» – «партикуляризм» // *Вопр. философии*. 2003. № 3. С. 13–29.
- Деннет Д. Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно // *Вопр. философии*. 2001. № 8. С. 93–100.
- Деррида Ж. Письмо японскому другу // *Вопр. философии*. 1992. № 4. С. 53–57.
- Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кутырёв В. А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // *Вопр. философии*. 2005. № 12. С. 3–19.
- Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // *Вопр. философии*. 2003. № 1. С. 80–87.
- Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // *Вопр. философии*. 1998. № 2. С. 43–53.
- Мясникова Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности // *Вопр. философии*. 2002. № 7. С. 5–16.
- Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономика. Пермь: Изд-во ПГУ, 2005. 264 с.
- Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм, 2006. 352 с.
- Панарин А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обяза-

¹ См., например: [Фуко, 2002].

тельств // *Вопр. философии*. 2003. № 6. С. 16–36.

Парамонова С. П. Динамика морального сознания (Введение в социологию морали). Пермь: ПГТУ, 2006. Т. 1, ч. 1. 341 с.

Ричардсон Ф. С., Бишоп Р. С. Физика, науки о человеке и конец определенности // *Человек перед лицом неопределенности* / Ред. И. Р. Пригожин. М.; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2003. С. 269–286.

Самохвалова В. И. Проект глобализации и метафизический мегапроект человека // *Философские науки*. 2003. № 3. С. 112–131.

Федотова Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // *Человек*. 2003. № 6. С. 50–58.

Фуко М. Мишель Фуко. Ответы философа // *Интеллектуалы и власть*. М.: Праксис, 2002. С. 172–192.

Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Вопр. философии*. 1994. № 10. С. 112–123.

Юлина Н. С. Деннет о вирусе постмодернизма // *Вопр. философии*. 2001. № 8. С. 78–92.

Материал поступил в редколлегию 07.09.2008

J. V. Maslyanka

**The Ontology of Human Life Essence: «the Modernities Clash»
and the Importance of Concrete-Universal Philosophic Approach**

In the article the key idea of the sense of life to be the central structure of the personal identity and the condition of the personal and social development is put forward. A total crisis of contemporary civilization is studied through a crisis of the essence of human life and a collision of different moral horizons. The negative role that of the postmodernistic symbolic culture in the context of the nowadays situation way-out is in the centre of great author's attention.

Keywords: modern society, human life essence, personal identity, crisis of human's essence, values, postmodernism.